

Очерк — большая литература

литературы о сельском хозяйстве еще не удовлетворяют читателя. Сплошная электрификация целых областей страны, таких, как Виннипег или Свердловская, укрощение колхозов, начатое в Московской области, посадка лесов в степи на Дону и на Волге, агрогородка

на Украине, народные стройки на Северном Кавказе и в Средней Азии, развитие племенного животноводства — можно ли перечислить все то, что требует своего изображения прежде всего в очерке?

Заслужила всенародное признание очерковая литература, соединяющая научно-познавательный материал с практикой советского народа. Книги Н. Михайлова о нашей стране и ее сказочно меняющейся географии, книга М. Шагинян «Путешествие по советской Армении», книга В. Сафонова «Земля в цвету», книги Геннадия Фина «Народная академия» и «Советская быль и американские сказки», — все эти большие очерковые произведения читаются по всей стране.

Нельзя не отметить в этом ряду недавно появившуюся в печати книгу А. Шарова «Жизнь побеждает» — талантливый рассказ о борьбе русских ученых-микробиологов с тысячелетним врагом человечества — чумой. В дни, когда поджигатели войны из Вашингтона, идя по стопам Гитлера и Хирохито, готовят для человечества бактериологическую войну, очерк А. Шарова приобретает особое публицистическое звучание.

Но если в международной теме, в темах сельского хозяйства и науки последовательный очерк и насчитывает ряд несомненных достижений, нельзя не выразить крайней неудовлетворенности, коль скоро речь заходит об индустриальном очерке, высокое назначение которого — рассказать о духовной жизни советского рабочего класса.

В таких произведениях, как «Далеко от Москвы» В. Ажаева, «Сталь и пламя» В. Попова, «Волга» А. Рыбакова, советский роман говорит первое слово, оставляя позади себя очерк, который принято считать самым оперативным жанром.

К сожалению, те же суровые слова следует сказать отряду советских литераторов и в связи с очерками на темы коммунистического воспитания.

Имеются и здесь несомненные удачи. Их мало. И сегодня, в 1950 году, очерковая литература все еще считает своим последним достижением в этой области талантливую книгу Б. Галина «В одном населенном пункте». В самом деле, Борис Галину удалось увидеть в жизни и раскрыть перед читателями прекрасный образ большевика-пропагандиста и показать в то же время путь восстановления Донбасса. Но книга эта появилась свыше двух лет назад.

В последнее время две книги порадовали читателя: «Мой класс» Ф. Вигдоровой — о школе и педагогическом труде и «Сталинский лауреат» И. Горелкина — о Герике Бортневиче. И это, пожалуй, все! Очерковая литература держит серьезное испытание. Тема рабочего класса и тема коммунистического воспитания должны рассматриваться нашими писателями, как ведущие темы эпохи. Союз советских писателей, редакция толстых журналов, в особенности редакция альманаха «Год XXXIII», должны направить творческие интересы очеркистов.

Надо помнить, что больше, чем какой-либо жанр литературы, очерк поддается организации и планированию.

Серьезного внимания заслуживает недооценка очеркового жанра и издательстве «Советский писатель». Нельзя понять, почему, например, отклонена книга «Заманщина» И. Емельяновой, в которой писательница-геолог рассказывает о переменах, происшедших на ее глазах в красноярской тайге.

Неохота, с какой принимают к изданию новые издания очерковую литературу, находит некоторое объяснение в недопустимой позиции Союзпитанинаторга (тов. П. Перешивайлов), который, вместо того, чтобы наладить изучение читательского спроса по районам страны, оглуляет направляя книжный поток, затопляет некоторые книги и, таким образом, оправдывая собственные недостатки, творит своеобразную теорию о слабом, будто бы, интересе читателя к очерковым книгам. Факты говорят о другом. Книгу И. Ирошниковой «Надежда Егорова» напрасно ждуть в тех местах, где прославлена героиня очерка; в книжных магазинах на юге Украины трудно найти эту книгу.

Произведения очерковой литературы, выходящие в областях и республиках, редко находят оценку на страницах всевозможных журналов.

Очерк — большая литература. Писателям следует не жалеть творческих усилий и вдохновения, чтобы сделать каждый очерк произведением подлинно большой литературы и по идейности и по зрелости художественного мастерства.

Помочь очерку занять подобающее место в нашей литературе — прямой и неотложный долг писательских организаций, издательства, редакций журналов и газет.

МИРМУХСИН

ТАК ГОВОРИЮ Я, СТАВЯ ПОДПИСЬ

Мой голос тверд. Просты мои слова.
Да здравствует бойцы и командиры
Борьбы за мир!
Да здравствует Москва
И мудрый Сталин — знаменосец мира!
Я ставлю буквы подпись моей.
В ней — мой приказ, могучий, точный,
Я — воля всех трудящихся людей,
Я — всех народов пламенный глашатай.
Мне нужен мир. Но страха нет во мне!
Коль враг придет, я ринусь в битву
И если я погибну на войне,
То только, как Матросов и Гастелло!

Стропила счастья мной возведены.
Я славлю труд народов единые,
Мне нужен мир. Я не хочу войны,
Кровопролития, горя, разрушения!
Я мира требую. Он мне важнее всего.
Он нужен был всегда!
Моя Москва — вот главный штаб его!
Моя Отчизна — вот его твердыня!
Да здравствует советская земля,
Борьба за мир бойцы и командиры,
Могучий стяг московского Кремля
И мудрый Сталин — знаменосец мира!
Перевел с узбекского А. ВЕЗНАМИНСКИЙ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 60 (2651)

Вторник, 25 июля 1950 г.

Цена 40 коп.

Знайте презренные имена врагов мира во Франции!

Клод МОРГАН

До начала кампании сбора подписей под Стокгольмским Воззванием работа врагов мира была сравнительно легкой. Их газеты (а большинство газет Франции принадлежат врагам мира) и радио (которое жмет так же, как лгала парижский передатчик немцев) попросту замалчивали движение сторонников мира.

Но успех кампании по сбору подписей положил конец этому заговору молчания. Как могут они молчать, когда под Воззванием подписывается большинство населения многих деревень и городов, когда в движение защиты мира включились муниципальные советы, мэры, мэры? Все больше священников и видных католиков, послухших голоса совести и сердца, поддерживают Стокгольмское Воззвание, епископы и кардиналы Франции осуждают атомное оружие.

И сразу от молчания враги мира перешли к волеющему вою. Вся милитаристская пресса — от «Фигаро» до «Попюлер», от «Об» до «Эпока», от «Фран-тирер» до «Орор» наполнила криками ярости, испускаемыми врагами мира. Весь мир должен знать презренные имена врагов мира во Франции.

Франсуа Мориак истерично обрушивается на служителей пера, которые пошли навстречу требованиям реальной обстановки и посчитались с движением сторонников мира, вовлекающим в последнее время и религиозные круги. От прежнего Мориака не осталось и следа — Мориака, «христианского советника» которого возмущала бомбардировка Гериника, Мориака, который во время движения Сопротивления следил по карте за успехами Красной Армии, ибо от нее зависела судьба всех свободных людей.

Сегодня он стоит за атомную бомбу и за массовое уничтожение населения. Франсуа Мориак заодно с военными преступниками и, подобно де Голлю, говорит, что атомная бомба необходима, дабы покончить с социалистическим трудом Советского Союза. Он допел до такой степени, что призывает, как в свое время призвал организатор архиреакционной группировки Аксьон Франсуа Шарль Моррас, к убийству вождя коммунистической партии Франции. И эта низость души привела его к литературному бесплодию, подобному бесплодию другого бывшего писателя — регената Андре Мальро.

Господин Этьен Борн, редактор газеты «Об», также является подлым наездником убийцы. Он написал: «Жизнь возродится скорее на почве, опустошенной атомной бомбой, чем свобода на родине, разоренной «сталинизмом». Когда господин Борн говорит о свободе, то необходимо учесть: речь ни в коей мере не идет о свободе, столь драгоценной для каждого человека, — свободе жить своим трудом и развивать свои способности; речь идет только о капиталистической свободе — свободе эксплуатировать ближнего. Только она одна может интересовать господ подобного рода, красноречиво провозглашающих «незыблемые права личности», но пренебрегающих жизнью рабочих отрядов республиканской безопасности — этими французскими последователями эсэсовцев. В переводе на простой язык это означает: «Лучше атомная бомба, которая уничтожит миллионы мужчин, женщин и детей, чем конец капиталистического строя».

Характерно, что эти люди не верят в возможность развития своего собственного строя. Они боятся, что мирное сосуществование двух систем — социализма и капитализма — неизбежно приведет к порожению капиталистической системы. И поэтому они — за атомную бомбу. Им следовало бы подумать над словами, которые произнес Ниль Эрнберг в Стокгольме от имени советской делегации: «...будущее не оставит сверхбомбы. Вы сподобились только причинить огромный ущерб всей человеческой цивилизации. Если вы действительно убеждены в правоте ваших идей, почему вы не хотите убрать бомбы и сверхбомбы? Вы должны доказать жизнеспособность капитализма вашим трудом, а не угрозами».

Истина заключается в том, что они не верят более в правоту своего дела. Они арестованы, отступая шаг за шагом. Они потеряли чувства чести, национального достоинства, все человеческое. Разоблачая этих преступников, сторонники мира осуществляют общественное оздоровление, либо помогают честным, но наивным людям увидеть приспешников поджигателей войны в настоящем свете, чтобы затем с ужасом от них отвернуться.

И господин Габель из газеты «Круа» тоже встал на сторону убийц. Его нахальство и лживый апломб напоминают перлы гитлеровской пропаганды.

«Самым серьезным покушением на мир», — рассуждает господин Габель, — является эта машинация, называемая Стокгольмским Воззванием, это насилие над совестью и свободой людей... Вопрос упрощает до крайности. Внимание отключается от настоящих проблем и настоящей опасности. Мир делит на поджигателей войны и на сторонников мира».

Какой страх кроется в этой последней фразе! Господа Габель думают безнаказанно продолжать свои полные маневры, мечтают посадить нашу страну на цепь империалистического империализма и втиснуть ее в агрессивную войну против Советского Союза, сохраняя при этом выражение честности на лице. Стокгольмское Воззвание не делает этот вопрос ясным и понятным для каждого. Оно объясняет каждого мужчину и каждую женщину открыто заявить о своем отношении к войне и миру. Это — обращение к совести и сердцу каждого. Оно вынуждает и поджигателей войны, врагов Мориака, Борна и Габеля, показать свое настоящее лицо, либо летоубийц. И вот свет, который бросает на весь мир Стокгольмское Воззвание, господин Габель называет «насилием над совестью».

Правые социалисты, разумеется, тоже не отступят. Их орган «Попюлер» занимается ремеслом провокатора войны, как и газета «Фран-тирер», которая с такой же рабской покорностью повиновалась приказам Вашингтона, идущим через Белград.

Врагами мира является большая часть членов комиссии по иностранным делам Национального собрания. Ослепленные светом из Стокгольма, они пытались провозвести омерзительную диверсию, одобряя план Баруха, предусматривающий американскую гегемонию над всем производством атомной энергии. К числу врагов мира принадлежат депутаты Ле Вай, Даниель Мейер и Виолет, которые в кулуарах парламента признались, что они за атомную бомбу. Враг мира — главный редактор «Фигаро» Пьер Бриссон, предоставивший страничку своей газеты гитлеровскому генералу фон Кольтицу и фашистскому палачу Скорници, чтобы показать нам, что в новой войне можно сотрудничать и с этими «желтыми менажи».

Сторонники мира должны доводить до сведения широких масс имена этих преступников, для того чтобы каждая мать, каждая жена могли их проклянуть.

Наряду с откровенными убийцами существуют другой вид врагов мира, встречающийся в кругах интеллигенции и, в частности, среди литераторов. Мартин Андерсен Нексе дал им очень меткое определение: «Этих работников умственного тру-

да, — сказал великий датский писатель, — можно сравнить с чиновниками, которые видят свое призвание и свой заработок в управлении народом на пользу своих хозяев». В капиталистическом обществе их задача — задержка хода истории.

Нечего скрывать, что среди некоторой части писателей очень трудно собрать подписи под Стокгольмским Воззванием, которое имеет колоссальный успех среди большинства населения и способствует включению в борьбу за мир множества артистов, людей науки, педагогов. Это объясняется тем, что буржуазные писатели в большинстве принадлежат к тому сорту людей умственного труда, определение которых дал Нексе. Не так-то просто выйти из этой колеи.

В одном доме я ходил по квартирам; 64 процента жителей дома подписались под Воззванием. Я обошел квартиры известных писателей. Один из них, имя которого я не называю, так как он, возможно, изменит мнение, посоветовавшись со своей совестью, сказал мне: «Это не мое дело». Другой заявил: «Я не хочу, чтобы товарищи насмехались над мной» (он является членом одной академии). Доржез по телефону ответил мне, что не знает ни о каком Стокгольмском Воззвании, но это была только увертка. Когда мы познакомились писателя с обращением, он отказался подписаться. Стараясь объяснить свой отказ, он привел жалкие доводы. Понятно, автору «Деревянных крестов» — книги, написанной против войны сразу после резни 1914—1918 годов, не легко признаться в том, что он согласен сегодня с поджигателями ужасной атомной войны.

Таковы последние припрятанные антикоммунизму. Я иногда думаю о влюбленных в свой покой писателях, к которым еще не обращались с призывом подписать Стокгольмское Воззвание и которые каждый раз, когда раздается телефонный звонок или стук в дверь, со страхом спрашивают себя — не попросит ли их присоединиться к требованию запретить атомное оружие, занять четкую позицию.

За исключением Пьера Бенуа (он подписал Воззвание без колебания, заметив следующие: «Я совершенно не понимаю, как можно отказаться подписать это Воззвание»), несколько молодых литераторов, большая часть представителей буржуазной литературы еще не подписала Стокгольмское обращение.

Конечно, и другие известные писатели присоединятся к прогрессивным деятелям, коммунистам и беспартийным, которые подписали Воззвание. Разъяснительная работа только началась.

Во Франции, как и во всех странах старого капиталистического мира, — я не говорю о новом, лучезарном мире, свободном от эксплуататоров и торговцев смертью, каким является наш мир, — провозглашено широкое объединение честных людей всех мнений, всех религий, готовых совместно бороться за мир. Объединение это произойдет и уже произошло по Стокгольмскому призыву в таком широком масштабе, что оно охватит и многих из тех, кто сегодня еще колеблется, но кто не хочет, чтобы его принимали за преступника.

Сторонники мира широко откроют объятия и тем, кто явится в последний час, ибо в лагерь мира присоединится никогда не поздно. А действия, цель которых — разоблачить перед лицом общественного мнения сторонников применения атомной бомбы, помогут этому объединению. И только летоубийцы, высказывающиеся за бомбу, за всемирную резню, сами себя исключают из национального единения.

ПАРИЖ

Расширять фронт мира!

Миллионы людей во всем мире, подписывая Стокгольмское Воззвание, протестуют против агрессии США в Корее

АНГЛИЯ
ПИСЬМО
ШОНА О'КЕЙСИ

Накануне открытия Всеанглийской конференции сторонников мира известный ирландский драматург Шон О'Кейси прислал письмо Английскому комитету защиты мира. Выражая сожаление, что он не сможет присутствовать на конференции, Шон О'Кейси пишет: «Я не встречал ни одного человека, который хотел войны. Но есть тип по фамилии Черчилль, который, повидному, считает, что война была бы неплохой вещью. Это была бы скверная штука. Долой войну, выгоду спекулянтам».

ИНДОНЕЗИЯ
В ГОРОДАХ
И СЕЛАХ СТРАНЫ

В городах и селах Индонезии с большим успехом проводится сбор подписей под Стокгольмским Воззванием. Поддерживая призыв к миру, индонезийцы решительно протестуют против вмешательства американских поджигателей в Корею.

В числе подписавших Воззвание — президент Индонезийской республики Асват, министр информации республиканского правительства Вивох, видный общественный деятель Чоа Сик-инь, профессор университета Сардини, руководитель профсоюза железнодорожников Судерсано.

Один из руководителей индонезийской рабочей партии, член парламента, инженер Сукарни со страниц газеты «Кедьюлатан ракат» призывает индонезийцев подписаться под обращением Постоянного Комитета и выразить симпатии народу Кореи, мужественно борющемуся за свою свободу.

АВСТРИЯ
ПРОТИВ АГРЕССИИ
В КОРЕЕ

Движение протеста против американской агрессии в Корею, развернувшееся по всей стране, встречает преследования со стороны властей.

На днях венская полиция арестовала служащего Гуша в момент, когда он писал на мостовой лозунг, призывающий к прекращению американской агрессии в Корею. Арестованный был передан в распоряжение американской разведки «СИА-СИ». Однако, несмотря на депрессию, подобные лозунги каждое утро появляются на домах и мостовых Вены. По указанию американцев, австрийская полиция поручает замазывать эти надписи специальными кошками.

На одной улице американского сектора Вены полицейские разбили витрины, за которыми были вывешены Воззвания в защиту мира.

19 июля в Вене состоялась демонстрация, организованная борцами за мир. Демонстранты несли плакаты с надписями: «Сегодня Корея, завтра Австрия?», «Руки прочь от Кореи!», «Подпишите Воззвание против атомной бомбы!».

ГРЕЦИЯ
В ПОДПОЛЬЕ

Радостантия «Свободная Греция» сообщает о том, что нелегальная деятельность борцов за мир в монархо-фашистской Греции принимает все больший размах. Подпольные комитеты сторонников мира в Афинах собрали тысячи подписей под Стокгольмским Воззванием с запрещении атомного оружия.

Все подписывавшие заявляли резкий протест против американской агрессии на Дальнем Востоке.

За последние дни в Афинах борцы против угрозы новой войны распространили 40 тысяч листовок в защиту мира.

Советские ученые стоят за мир!

Все откровенные и циничные становятся слова и дела правителей Соединенных Штатов Америки — новоявленных претендентов на мировое господство, одержимых алчным чувством навязывания страдания и бедствия народам. Гарри Труман, подобно Адольфу Гитлеру, заявляет: «Наша страна хочет выполнить задачу руководить миром». Ему вторит генерал Эйзенхауэр, открыто объявивший на заседании комиссии по делам вооруженных сил палаты представителей: «Наша страна, будучи объединена, может господствовать над миром».

В гневном протесте против попытки разжечь новый всемирный военный пожар голоса советских ученых сливаются с голосами всего советского народа.

Никогда еще не было столь отчетливо ясно, какую роль наука играет в зависимости от того, кто и для чего ею пользуется, каими целям служат достижения науки.

Величайшее открытие новой физики, которое владет мир, — использование атомной энергии — в руках американских империалистов превращено в средство массового уничтожения людей. Реакционные ученые — лакеи капитала запятаны подчетом возможных прибылей от военного применения атомной энергии. Они озабочены проблемой, во сколько следует оценить атомную бомбу, если исходить из стоимости объектов, которые она может разрушить. Математические выкладки дают огромную сумму, и холуи империализма хладнокровно заключают: военное применение атомной энергии выгодно мирному...

Но передовые, прогрессивные деятели науки противостоят апостолу империализма так же непримиримо, как свет — тьме. Наша советская наука потому и является передовой, что она служит счастью народа, прогрессу человечества.

Самым гуманным путем призвала у нас служить и атомная энергия. «Мы поставили атомную энергию на выполнение великих задач мирного строительства, мы хотим поставить атомную энергию на то, чтобы взрыть горы, менаить течение рек, орошать пустыни, прокладывать новые и новые линии жизни там, где редко ступала человеческая нога». Эти слова министра иностранных дел СССР академик А. И. Вышинского прозвучали на весь мир в те дни, когда психоз атомной войны был введен в Америке на уровень государственной доктрины.

День за днем, месяц за месяцем мы настольно и вдохновенно трудимся. В наших учебных заведениях многие сотни тысяч юной и девушки овладевают высотами науки. Плоды всемирного труда мы видим и в диграх стахановских рекордов, и в союбионах о перевыполнении планов, во всей нашей повседневной жизни. И в каждом новом факте нашего прогресса к коммунизму имеется доля творческого труда советских ученых.

Работы крупного народнохозяйственного значения ведутся и в нашем Институте металлургии Академии наук СССР. Недавно в нем сконструирован оригинальный прибор для изучения строения и свойств металлов, нагретых электрическим током в

вакууме до температуры, близких к точке плавления. С помощью электричества мы производим выделение металлов из солей, электрофторировку, плавку и сварку металлов и сплавов, механическую и термическую обработки металлов, очистку газов.

Большинство достижений добился наш институт в разработке вопросов теории металлургических процессов: химических и физических. Мы проверяем существующие гипотезы и открываем законы природы, управляющие процессами, происходящими в металлах и сплавах при самых разнообразных условиях промышленного производства и научного исследования, разрабатываем методы контроля и испытания металлургического сырья и продукции по всему металлургическому циклу — вплоть до выпуска готовых изделий.

Наша страна вступила в эпоху высоких скоростей. Это относится к химическим и металлургическим заводам, к предприятиям машиностроения, к социалистическим стройкам. Скоростные плавки в мартеновских печах стали повседневным явлением на таких предприятиях, как московский завод «Серп и молот», Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, «Азовсталь» и др. Ленинградский Бортвик, москвичи Быков и Угольников, тысячи других рабочих-новаторов достигли скорости обработки металла свыше тысячи метров в минуту. А ведь еще недавно скорость, в десять раз меньше, считалась рекордной. На современном отечественном толкостойном прокатном стане лист металла выходит из последней кляши со скоростью курьер-

ского поезда. Аппаратура некоторых химических заводов работает под давлением, многократно превышающим режимы давления, которые еще не столь давно считались предельными.

Многие десятки научно-исследовательских институтов и сотни конструкторов постоянно заняты у нас созданием новых совершенных механизмов.

Наш технический прогресс ярко проявляется и в применении автоматизации для управления агрегатами и при контроле качества продукции. От отдельных автоматических станков мы перешли к автоматизации целых участков, цехов и целых предприятий.

Советским металлургам удалось достигнуть таких коэффициентов использования мощных металлургических агрегатов, каких не знает капиталистический мир. Основное производство сплавов, обладающих значительной стойкостью. Изготовленные из них детали работают при высоких температурах, не подвергаясь коррозии при соприкосновении с продуктами сгорания топлива и другими разъедающими газами.

Все это создано советскими учеными в тесном общении с людьми практики для жизни и счастья своего народа.

Советские ученые стоят за мир. Военная агрессия органически чужда нашему миролюбивому, творческому народу. Никто из нас, людей науки, не может сейчас стоять в стороне от борьбы за мир, не может допустить, чтобы плоды его творческих усилий служили смерти, а не жизни.

Академик И. ГУДЦОВ

ВЕТЕР ПОВОЕРНУЛ НА ГОРОД

Николай АТАРОВ

Педанно, возвращаясь из Донбасса в Москву, я познакоился с врачом-гигиенистом. Как это часто бывает, разговор незаметно перешел с дорожных пустяков на значительные и самые важные вопросы. Есть особая прелесть дорожных разговоров в поездах дальнего следования. Где-нибудь между Никитовкой и Москвой, глядя в окна, случайные спутники рассказывают о задачах, казалось бы, отдаленного будущего. А между тем по этому делу вас попутник, оказывается, давно не вылезает из командировки.

Когда, обгоняя время, передовые люди у нас добывают своего, — доказывают, убеждают, увлекают за собой, то на их доводах коммунизм уже встает в самых конкретных представлениях. Будущее выливается в точных и видимых подробностях. Тысячи конкретных подробностей будущего открывают в наплыве металлургии, ирригаторов, рыбодобычи, почвоведения...

Санитарный врач, о котором мы знали, что он только что инспектировал постройку Донбасса, высказал почти сказочное, но, видимо, серьезно продуманное суждение: — А при коммунизме, знаете ли, и густота туманов уменьшится...

— Даже и в Англии? — пошутил кто-то. — Именно даже в Англии... — он подал и добавил совершенно серьезно: — Там, у них, еще много варварского. Лондонские туманы, к примеру, тесно связаны с чудовищным выбросом дыма и газов. И реки у них загажены. В парламенте, знаете ли, однажды водой из Темзы пробовали писать вместо чернил, на пробу... Да, коммунизм... — он помолчал, задумавшись. — Мы, санитарные инспекторы, тут и о своем думаем. Иное, звездное небо по ночам над заводами. Белый снег. Да, зима в Бельгии и снег. По снегу не в саже, черной, как пыль, а действительно сверкает, серебряный, как в нескрозских стихах... Не знаю, сохранятся ли территории в Донбассе, по речкам-то Кальмусу остается, это уж точно. И вот стекают в нее, как пыль, все сточные воды из заводских цехов. Только пыль это — отравляющая. А мы с вами сидим, знаете ли, в воскресный денек с удочками.

— Ну-ну, — произнес кто-то в глубине купе.

Врач мрачно рассмеялся, потер лицо всей ладонью, как будто проснувшись. И всю дорогу, до самой Москвы, санитарный врач со злостью, прямо сказать, благородной и с душевной болью говорил о равнодушных делагах из разных министерств и ведомств, которые плюют на все усовершенствования и штрафы и пачкают воздух в наших городах чем понаде: сажей, золой, серой, аммиаком и хлором, железной, цинковой и свинцовой пылью, фосфором, спиртами и эфиром, ртутными испарениями, лишь бы без хлопот обойти советский закон — постановление Совета Министров СССР о борьбе с загрязнением атмосферного воздуха.

А там — хоть трава не расти!

Трава и не растет, например, в Губахе, Молотовской области. Дым и облака пыли Кизеловской ГРЭС заслоняют солнце, а от сернистого ангидрида отступает тайга. Санитарная инспекция и ученые консультанты настаивают на том, что мощные электрофильтры, поставленные на электростанции, могут немедленно очистить небо над Губахой, оздоровить условия жизни.

Кто же мешает этому? Наша гигиеническая наука обладает такими учреждениями, как Институт общей и коммунальной гигиены Академии медицинских наук, как Санитарный научно-исследовательский институт имени Эрисмана.

Наша конструкторская мысль разработала передовые способы дымо- и пылеулавливания: механические, химические, электростатические.

У нас есть целая отрасль новой техники — техника борьбы с задымлением воздуха.

Советская индустрия создает высокую культуру жизни рабочего класса: заводские, как московский «Калаш» или вороншидовградский паровозостроительный, социалистические города, как на Горьковском автомобильном, замечательные, действительно стальные театры, дворцы техники, проспекты, как в восстановленном центре Донбасса — городе Сталино...

Кто же мешает обезредить трубы, выбрасывающие дым и копоть? Оказывается, заместитель министра электростанций тов. И. Угорец считает, что в Губахе можно и обойтись...

Воем Министерству электростанций с народным здравоохранением и в городе Ка-

лугине, и в Кашире, да и в самой Москве, как это видно из выступления депутата И. Румянцева на недавней сессии Верховного Совета СССР.

Слышле года тов. И. Угорец ведет беспринципную борьбу с Институтом общей коммунальной гигиены и с Государственной санитарной инспекцией СССР, пытаясь доказать, будто запрещенные министерством мажоритные батарейные циклоны для Кизеловской ГРЭС вполне достаточны, а санитарные нормы, LABOROT, завышены.

Не понимаем мы вашей доблести, товарищ Угорец! Воевать с санитарной инспекцией — вот уж не задача! Копить небо над нами да еще прикуривать, — дескать, не больше дыма, чем в моем кабинете...

Правительство приняло специальное постановление по охране от загрязнения атмосферного воздуха.

Создание лучших условий жизни на земле составляет непрерывную заботу советского правительства. Несмотря на дорожную стоимость капитальных вложений, связанных с дымо- и пылеулавливанием, правительство запретило с 1 января этого года утверждать проект любого предприятия, загрязняющего атмосферный воздух дымом и газом, без обеспечения чистоты воздуха, охраны здоровья населения. Промышленные предприятия обязаны составить планы сооружения при своих заводах и электростанциях газовых, пылеулавливающих и рециркуляционных установок. Крупнейшие предприятия страны названы в постановлении, как подлежащие срочному переоборудованию.

Кажется, все ясно! Обратить облака над заводами в Кемерово — дымные, желтые, зеленые. Погасить едкую гарь терриконов в Горьковке и Константиновке. Не окутывать большие человеческие жилища в Магевке, в Липецке, в Мариуполе. Объявить войну черному дыму — флагу кокаинской халтуры. И чтобы солнечный день был в самом деле солнечным для наших детей в Губахе. Чтобы деревья не роняли листья в середине лета. Чтобы сама почва не превращалась в сульфат от тысяч тонн серы, выпадающей из заводских труб.

Так говорит свое верное слово человеческой социалистической стройки жизни. Нам не в пример ни «черная страна» Бирмингемская в капиталистической Англии, ни отравленная токсическими туманами долина Мааса в капиталистической Бельгии, ни индустриальный ад Соединенных Штатов с их массовыми отравлениями, массовыми болезнями, массовым невежеством с их категорией труда, где дымовые испарения цехов свиваются со слезоточивыми газами заводской полиции.

Кто же смеет медлить с осуществлением правительственного задания!

Между тем в министерствах медлят — и не в одном Министерстве электростанций. А некоторые заместители министров, прямо отвечающие за ход ликвидации дымовых и газовых выбросов в промышленности, не понимают, видимо, что их позиция в этом вопросе находится в прямом противоречии со сталинской заботой о человеке, о трудящихся советской страны.

Было бы важно, чтобы немедленно отчитались перед своими министрами в присутствии государственного санитарного инспектора СССР, а затем, возможно, и перед своими партийными коллективами в министерствах такие товарищи, как П. Коробов в Министерстве металлургической промышленности, В. Рябчиков в Министерстве нефтяной промышленности, И. Акимов в Министерстве легкой промышленности и, наконец, уже известный из сказанного выше И. Угорец в Министерстве электростанций.

Товарищ П. Коробов должен бы отчитываться в том, например, почему недостаточно затывается ввод десинтеграторов на «Азовстале». Еще в прошлом году «Азовсталь» обязана была установить пять десинтеграторов для очистки доменного газа в количестве тоннажа. А до сих пор установлен только один из них. Товарищ П. Коробов должен был бы ответить, почему безбожно загрязняет воздух в одном из районов Москвы металлургический завод, выбрасывающий в воздух сотни и тысячи тонн синевой пыли.

Любителя медлить с дымо- и пылеулавливанием привычно дедят сквозь зубы: «В копеечку обойдется...» Однако хорошо известно, что заводские трубы выбрасывают на воздух огромные народные средства, ценнейшие материалы. Мощные серные заводы могли бы быть построены рядом с электростанциями, разорительно бросающими в небо серый ангидрид. Тысячи тонн

зола, в случае ее утилизации, могли бы послужить материалом для прекрасного покрытия дорог в прилегающих к заводам и электростанциям районах. Есть заводы, которые ежегодно извергают в воздух до двадцати тысяч тонн цинка, свыше тысячи тонн свинца.

Что мог бы по этому поводу возразить заместитель министра нефтяной промышленности тов. В. Рябчиков? Он не желает признавать, что на многих предприятиях как по добыче, так и по переработке нефти имеются недопустимые, — если не преступные! — источники загрязнения воздуха сероводородом и другими дымовыми газами.

Нефть сплошь и рядом разливается по территории или хранится в открытых бассейнах, отчего многократно увеличивается площадь испарения. В Уфе и Ишимбае не следят за герметичностью агрегатов — там нефть «течет». Нефть уходит со сточными водами в открытые канавы. Министерство приобретает широкое сырьевое значение сокращать загрязнение воздуха в нефтяных районах («второго Баку»). Думают, что выход найдут: зажигают «свечи» — дымные факелы день и ночь горят в небе, сжигая сероводород, но это создает копоть!

Одно другого стоить! Наконец, и заместитель министра легкой промышленности тов. И. Акимов должен держать ответ. Да, наука еще не нашла способа эффективной очистки отходящих газов вискозных фабрик от сероводорода и сероводорода. Но именно это и следует проводить в виду тов. И. Акимову. В правительственном постановлении научная разработка технических проблем дымо- и пылеулавливания возложена на министерства. Почему же Научно-исследовательский институт искусственного волокна, — с благословения тов. И. Акимова, — уклоняется от выполнения государственной задачи? Почему оквириательски внушают государственному санитарному инспектору СССР, будто тема уже поручена другому институту, когда тем даже подписанного договора, — ни договора, ни денег?

Будущее составляет нашу заботу сегодня. Будущее — это воплощение сегодняшних задач. Высокотехническая Москва — это будущее. Лесные дубравы и поля — это будущее. Народ создает их сегодня; передовые люди нашей страны видят коммунизм в точных и зримых подробностях, в тысяче конкретных значений, но видят именно потому, что деятельно борются за него сегодня.

Это относится и к всепартийной заботе о том, чтобы небо было чистое и ясное над нашей Родиной, борющейся за мир, за счастье человека.

Трест «Газохимистка» в системе Министерства химической промышленности — сегодня единственная организация в СССР, призванная обеспечить все нужды народного хозяйства в деле борьбы с дымами и газами. Трест не справляется с огромным и все растущим объемом заказов на работы. Завки заводов страны во много раз уже сегодня превышают способность треста и его проектных контор проектировать, устанавливать, наблюдать за монтажом установок и агрегатов.

Маломощный завод, специализированный по производству дымо- и золоулавливателей, сооружается медленно, очень медленно! Еще недостроенный, он уже перестал соответствовать заданиям промышленности.

Необходимо озаботиться также подготовкой будущих специалистов, и это — дело в первую очередь Министерства высшего образования. Сегодня ни в одном из вузов страны нет обязательной программы преподавания по курсу борьбы с дымами.

Что касается нашей санитарной инспекции, она заслужит глубокую признательность населения, если научится воинственно оберегать интересы и здоровье трудящихся, памятуя о том, что на ее стороне — воля народа, выраженная в постановлении правительства, а на стороне ее противников — только рутинная демагогия и пренебрежение народными интересами. Дело значительно движется вперед, если в рядах санитарной инспекции будут больше воинственных, готовых к отбору и твердых товарищей.

В нашей стране санитарный инспектор заслуживает поддержки со стороны советских, партийных и хозяйственных организаций. Он должен быть всемерно поддержан директорами заводов, профсоюзным активом предприятий, городскими Советами и партийными организациями, когда речь идет о борьбе с задымлением воздуха в промышленных районах страны.

И тогда в ситанные годы широко распахнутся окна в шахтерских домах, в поселках металлургов, химиков, текстильщиков, нефтяников, и дестора забудет о том, как пахнет кокаинная печь, когда ветер поворачивает на город.

«ОТЧЕТНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И НЕПРИГЛЯДНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»

Под таким заголовком в № 39 «Литературной газеты» от 13 мая с. г. была опубликована корреспонденция, в которой подверглась критике работа Тагитского киностудии по дублированию фильмов. Министр кинематографии СССР тов. И. Большаков сообщил редакции, что Министерство кинематографии, придавая большое значение вопросу повышения качества кинофильмов, дважды обсудило его на заседании коллегии министерства и наметило ряд практических мероприятий как по сокращению сроков производства дублирования кинофильмов на языках народов СССР, так и по повышению их художественного качества.

«НЕ В ДОБРЫЙ ЧАС»

Так назывался фельетон П. Подьяшук, опубликованный в «Литературной газете» 17 июня 1950 года. В связи с этим фельетоном редакция получила письмо председателя Камызякского райисполкома тов. Зимухова, телеграмму заместителя председателя Астраханского облисполкома тов. Суванова и, наконец, письмо председателя Астраханского облисполкома тов. Петрова. Во всех этих трех документах критика газеты признается правильной; сообщается, что помещение, самовольно занятое под квартиру заместителя председателя Камызякского райисполкома, возвращено законным владельцам: районной и детской библиотекам.

ОТВЕТИК ОТВЕТИЛ

На-днях перед народным судом Киевского района г. Москвы предстала в качестве обвиняемой гражданка В. Михайлова. Почти год назад эта тридцатичетырехлетняя женщина, бросив на произвол судьбы четверых детей, старшему из которых было тринадцать лет, уехала в Воронеж, как она выразилась на суде, «жить тише». Зависая о своем счастье, Михайлова лишила материнской заботы и материальной опоры беспомощных детей.

Об этом писала в «Литературной газете» писательница Александра Бруштейн. В статье «Отвечник должен отвечать», опубликованной в № 5 от 14 января 1950 года, она поставила вопрос о привлечении к уголовной ответственности родителей, преступно относящихся к детям.

Но не так-то легко оказалось привлечь к ответственности В. Михайлову, так как в нескольких очерках приключений она наплавлялась из Воронежа в гор. Серов. Завез-то ее и настало распоряжение прокуратуры об аресте.

Проверив материалы дела, допросив свидетелей и подсудимую Михайлову, суд след предьявленное ей обвинение доказанным. Поведение гражданки Михайловой несовместимо с нормами поведения советского человека. Народный суд приговорил преступницу к 2 годам тюремного заключения и лишению родительских прав сроком на 5 лет.

Заботу о детях государство взяло на себя. Они находятся в детском доме.

д. ГРАНИ

Советский ученый изобрел прибор, какой не под силу было создать американцам, англичанам и прочим иностранным специалистам. Прибор, служащий для непосредственного измерения напряженности электрического поля, класудий начало нового раздела электроизмерительной техники.

Речь идет об открытии научного работника Главной геофизической обсерватории И. Имянитова, сделанном еще в 1945 году. То, что последовало за этим, можно охарактеризовать двумя словами: триумфальное достижение.

В 1948 году И. Имянитов, защищая диссертацию, доказал, что прибор его принцип действия при изучении электричества атмосферы, в электрометрии, в высоковольтной технике, в электрорадиотехнике и т. д.

В солидных технических журналах было опубликовано несколько статей о блестящих возможностях нового прибора. С докладами о нем И. Имянитов выступал в Ленинградском политехническом институте, Институте гидрометеорологии, Институте постоянного тока, Ленинградском отделении ВНИИ приборостроения. И каждое новое выступление вызывало хорошие отзывы, благодарности.

А практическая дело это не сдвинулось за пять лет ни на шаг.

Управление Гидрометслужбы по сей день производит измерения старыми методами (они, кстати, не дают нужных результатов из-за несовершенности существующих приборов). Институты попрежнему «присматриваются».

— Хотите вам прибор? — спрашивает автор.

— О да, конечно, это чрезвычайно интересно! — с готовностью заверяют его.

— За чем же дело стало?

— Надо посмотреть, прижмут ли, — говорит один, — надо выхлопотать деньги, зацандировать...

— Да чего вы беспокоитесь, — уневают другие, — ведь никто же не охаживает, не активирует вашу работу...

В самом деле, спорить не с кем. Все «за»! Все «за», и автор всеми признанным прибором, как и пять лет назад, трудится все в той же маленькой лаборатории над полукрутильным изготовлением отдельных образцов, вместо того чтобы налаживать широкое производство таких, казалось бы, нужных, важных приборов.

...Любителя «спокойной жизни», трудным чиновником от науки с кажущимся приходиться все труднее. Невозможно годами маршировать по новому изобретению, не зная из него отчужденности, отчужденности, в то же время мудрого в своей простоте и доступности, может служить статья товарища

П. ПАВЛЕНКО

Ялтинская пилорама

Официально пилорама именуется ялтинской кинофабрикой киностудии имени Горького. В просторечье ялтинцы называют ее «кробофабрикой». В прозе этого лет, впрочем, никакой иронии. Фабрика не «кробила» какой-либо картины, а вполне нормально, из года в год, выпускает хорошего качества фоты, а также табуретки и оконные рамы, подобно любой артели «Выстрел», проявляет любительскую фотоманию, сдает в наем комнаты на фабричной территории (очень недорого и отличные комнаты!) и если не варит гуляш, то только, очевидно, по недостатку времени.

Ялтинская кинофабрика не сразу обрела этот свой прокомбинантский профиль. Предшествовали годы музических поисков.

Старожилы рассказывают, что в давние времена, примерно в 1940 году, на фабрике снималось одновременно одиннадцать картин. Здесь, вероятно, как часто в рассказах старожилов, дразно фантасм, но во всяком случае «Конец-гобурно», «Вальса Препрасная», «Ильба» «Орда» были полностью сняты на территории нынешней пилорамы.

Гитлеровцы причинили серьезные разрушения ялтинской кинофабрике, но уже в 1947 году коллектив фабрики ее в основном восстановил. На фабрике была установлена пилорама; в то время она была в городе единственной и с большой для себя выгоды пиляла бревна различным учреждениям. Она-то, пилорама, и помогла фабрике восстановиться настолько, что в 1947 году здесь был быстро и хорошо снят фильм «Первоклассница».

Но, увы! Год, когда был снят этот фильм, дал 635 тысяч рублей убытка.

В 1948 году картин в Ялте уже не снимали, а стали перестраивать цехи на работу для нужд курорта. Это сразу же возмело (конечно, при помощи пилорамы!) свое действие: 1948 год закончился с убытком всего в 465 тысяч рублей.

На 1949 год студия имени Горького сменяла картин в Ялте вовсе не планировала, а дала ялтинской фабрике мудрое задание: «сработать без убытка». И на этот раз пилорама не подвела. Годовой план удалось выполнить даже с доходом в 190 тысяч рублей, что говорило о преимуществе раскладки бревен по сравнению со сменкой кинокартин.

Воодушевленные успехом, деревообделочники из студии имени Горького утвердили план ялтинской кинофабрики на 1950 г. уже в сумме 1.110 тысяч рублей, снова предоставляя ей делать, что угодно.

Но... как ни всемогуща была пилорама, она не может объять необъятное. Пы-

ле она в городе не единственная. Появились конкуренты. Кроме того, запасы «кинематографических» материалов (так делатки называются деловая древесина) у фабрики иссякли, и — о ужас! — первый же квартал 1950 года принес убытки.

Любая промышленная артель для выполнения своей программы получала бы плановый материал, но киностудии нужно было просить дач на подделку мебели и спортивного инвентаря, и она неизбежно отуплялась перед хозяйственным врагом.

Надо просить дотацию. Но, понадеявшись на это? На производство табуреток? Или, что такую дотацию кинофабрике не дадут.

Видя разумных перспектив, кадры киномехаников постепенно покидают ялтинскую кинофабрику. Оставшиеся тоже трудно сохранить. Ведь 50 процентов заработной платы приходится тратить на персонал, который не может делать ни пробы, ни табуреток — всего того, чем сейчас занята фабрика.

Высокий процент накладных расходов по заработной плате ложится дополнительным бременем на смотру-фабрику. Несмотря на трудность оплаты специалистов простейших цехов, Министерство кинематографии прислало в прошлом году (отведи, чтобы внести хорошее настроение!) специального начальника цеха звукозаписи инженера тов. Белого. Между тем оный цех бездействует уже четыре года. Для пилорамы звукозапись не нужна.

Много лет подряд задают здесь вопрос: так ли уж необходимо киностудии имени Горького иметь в Ялте прокомбинант в лице с прославленной пилорамой? Если нужен попросту дом отдыха в Крыму, то гораздо практичнее восстановить Дом киноработников в Мисхоре. Если так уж хочется пилить бревна, то этим лучше заниматься в другом месте, а не в санитарно-курортной зоне.

Когда о ялтинской кинофабрике хотят сказать что-нибудь хорошее, всегда вспоминают, что у нее замечательный бассейн и что это очень важно. Может быть, это и так на сужом бассейне бездействующей ялтинской кинофабрики, требующей ремонта стоимостью в сотни тысяч рублей, уютная... сама фабрика.

Коллектив работников фабрики делает все возможное, чтобы приумножить работу своей кормилице, но как бы люди ни выкручивались, а в городе-то всем видно, что это кинематографически, записавшись «от печено делати» отхожим промыслом.

Не пора ли студии имени Горького перестать тратить деньги впустую и либо восстановить ки и о ф а б р и к у и создавать на ней кинокартины, либо закрыть ее.

Исчезающие профессии

волочильных станков. Каждый болтовывиначивал за смену до 15 километров. Инженеры завода создали новые механизмы, чтобы освободить и эту группу рабочих от тяжелого физического труда.

Другой технической повинкой этой области является создание в цехе бесшовных труб приспособления, которое механизмует трудоемкие процессы на станках холодного волочения — захват и обжимание трубы, возврат тележки. В результате исчезает и профессия тележечника.

Ал. БЫЛИНОВ

ДНЕПРОПЕТРОВСК

Малые магистрали

В нашей стране работает двадцать железных дорог, которые не обозначены на картах. Нет сведений о них и в справочниках, хотя на этих магистралях курсирует около двухсот локомотивов и вагонов, имеются собственные депо, угольные склады, ремонтные мастерские. Эти магистрали называются часто малыми железными дорогами, и еще короче — детскими дорогами. Они созданы для детей, и всю работу на них выполняют школьники 5—10 классов.

Но это — простое развлечение, устроенное взрослыми для маленьких. Малые магистрали — настоящие узкоколейные дороги, их путьвое хозяйство, мосты, тоннели являются полноценными инженерными сооружениями. Отдельные дороги оборудованы автоблокировкой, парозовы — автосполами. Ребята сами управляют всем хозяйством, составляют графики движения, работают под наблюдением инструкторов. Перед ребятами ставятся задачи и условия: хорошо учиться в школе и заниматься в железнодорожных кружках (в них более 30 000 ребят).

Малые магистрали, — заявил корреспондент «Литературной газеты» начальник отдела школ Министерства путей сообщения СССР В. Иванов, — стали своеобраз-

Университет «вечных студентов»

Около четырех лет назад Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров УССР вместе с учебно-педагогическим издательством «Радянська школа» приступила к выпуску массового научно-популярного издания «Университет на дому». Было намечено выпустить 54 книги по курсам истории, литературы, астрономии, химии — всего по 18 различных предметам. Тираж каждого выпуска — до 35 000 экземпляров. Стоимость книги — 6 рубль.

Это большое и важное мероприятие было встречено с одобрением общественностью Украины.

Подписчики с интересом изучали материал первых выпусков, но затем книги стали приходить реже и реже. За три с половиной года читатели получили... 15 выпусков. Подобные темпы могут привести к тому, что подписчики закончат «Университет на дому» только в 1959 году. Как тут не вспомнить классическую фигуру «вечного студента», которую украинский Комитет по делам культурно-просветительных учреждений задумал возродить в наши дни и при этом в массовом масштабе.

Вряд ли кого может угодить список подобная помощь людям, занимающимся самообразованием!

После войны началось восстановление детских дорог, разрушенных немцами, и строительство новых. Первая послевоенная дорога была построена в Сталинграде. Путь проложен здесь вдоль Волги. Затем появились «Малая Закарпатская» в Ужгороде, соединяющая центр города со стадионом, парком, бассейнами, «Малая Ковельская» в Ровно, «Малая Литовская» — в Вильнюсе и другие.

Начали появляться детские дороги и в странах народной демократии. Не так давно открылось движение одной такой дороги на горе Сечени в Венгрии.

Малые магистрали

нм внешкольным учреждением с новыми, увлекательными формами работ.

Первая в Советском Союзе и в мире детская дорога вступила в эксплуатацию весной 15 лет назад. Вскоре такие же дороги появились в Москве, в городах Украины, Сибири, Белоруссии, Туркмени, Узбекистана, «Голубые экспрессы», которые ходят на многих детских дорогах, комфортабельно оборудованы, как полагается настоящему экспрессам. Рабочие Сормовского завода облекли паровоз «Малой Горьковской» в капот обтекаемой формы, чтобы он выглядел, как сверхмощный локомотив. Для юных железнодорожников Москвы изготовлен тепловоз.

После войны началось восстановление детских дорог, разрушенных немцами, и строительство новых. Первая послевоенная дорога была построена в Сталинграде. Путь проложен здесь вдоль Волги. Затем появились «Малая Закарпатская» в Ужгороде, соединяющая центр города со стадионом, парком, бассейнами, «Малая Ковельская» в Ровно, «Малая Литовская» — в Вильнюсе и другие.

Начали появляться детские дороги и в странах народной демократии. Не так давно открылось движение одной такой дороги на горе Сечени в Венгрии.

Тихон МУНЬКО

Обзор военных действий в Корее

Истек месяц с тех пор, как лысинам войска по указке из Вашингтона развязали войну в Корее. Касаюсь некоторых итогов военных действий за истекший период, руководитель отдела Центрального телеграфного агентства Кореиской Народно-демократической республики в Пекине Ким Сен Нон отмечает в газете «Джун-минджубао», что Народная армия за этот период разгромила так называемые «отборные» лысинам войска 2-ю, 6-ю, 7-ю и 8-ю дивизии и большую часть 1-й и 5-й дивизий, а также напала спланный удар войскам американских интервентов. В сводке главного командования Народной армии подчеркивается, что 24-я американская пехотная дивизия полностью разгромлена.

Парижское радио указывает, что Народная армия уже освободила две трети территории Южной Кореи, а военный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» отмечает, что за время военных действий Народная армия продвинулась в югу более, чем на триста километров. Агентство Ассошиейтед Пресс приводит весьма характерное заявление одного высокопоставленного представителя американского министерства обороны, который «обнадежил» подчеркивая: «Возможно, что американские войска в Корее в течение ближайших дней примут новое отступление».

Весь ход военных действий показал, что намеченный американскими интервентами «блицкриг» в Корее провалился. Войска Народной армии непрерывно продвигаются на юг, освобождая все новые города и села.

На правом фланге части Народной армии, преодолев холмистую возвышенность, форсировали реку Сомиг, впадающую в Желтое море. На этом участке освобожден город Кунсан (Гунсан) — важный торговый и портовый пункт на юго-западе Кореи, и город Чончжу (Денсю) — административный центр провинции Северная Чола. Попытка американских войска создать новую линию обороны на реке Сомиг не увенчалась успехом. Народные войска, продвигаясь вдоль железнодорожной линии Тэчжон — Мокпо, 23 июля заняли город Кымчю (Канчжу). 24 июля, по данным агентства Ассошиейтед Пресс, они осуществили широкий прорыв по направлению к южному побережью Кореи. Здесь освобожден город Кванчжу — важный узел коммуникаций и административный центр провинции Южная Чола. В этот же день

Народная армия заняла последний порт на западном побережье — Мокпо.

После занятия Тэчжона Народная армия продвигается также в юго-восточном направлении. Наступление на этом участке происходит в районе Кымчон, вдоль железной дороги, ведущей на Тайгу и Пусан, а также по долине реки Нактонган, впадающей в Кореиский пролив вблизи Пусана. За последние дни здесь освобождено большое количество уездов и волостных центров и сел, в том числе Окчон и Нондон, взяты большие трофеи. В боях активное участие принимают партизанские отряды.

По данным парижского радио, народные войска продвинулись в юго-восточном направлении на 40 км. По сообщению гамбургского радио, продвижение от Тэчжона в южном направлении составляет 110 км. Гамбургское радио указывает на то, что Народная армия стремится выйти к центральной части южного побережья полуострова с целью разрезать американский плацдарм на две части.

На восточном побережье продолжаются упорные бои Народной армии против выдвинувшейся в районе Пхокан 1-й американской кавалерийской (моторизованной) дивизии. Части Народной армии, как признается в сводке штаба Макадурга, вновь освободили портовый город Нондон, который был занят 21 июля американцами при сильной поддержке авиации и артиллерийского огня с военных кораблей.

Военные действия в Корее попрежнему сопровождаются ожесточенными воздушными боями. Продолжаются взрывные бомбардировки американской авиации мирных городов и сел Северной Кореи и освобожденных районов юга. Несмотря на значительное численное превосходство американской авиации, интервенты не добились полного господства в воздухе; в результате огня зенитной артиллерии и действий истребителей Народной армии американская авиация на кореиском фронте несет большой урон.

Международные отклики

«МОРАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП» УОЛЛ-СТРИТА

Обращаясь 19 июля к конгрессу с требованием ассигновать новые миллиарды долларов на расширение американской агрессии, президент Труман особенно беспокоился о том, чтобы характер его действий был правильно понят. «Необходимо разъяснить, — вымолвил он, — что эти действия были предприняты на основе важнейшего морального принципа».

Не напрасно ли беспокоится высокопоставленный обитатель Белого Дома? Если и остался в Америке люди, которым эти «принципы» еще кажутся загадкой, то обещанные президентом новые налоги, сокращение средств на гражданское строительство и на социальные нужды, надо полагать, являются неплохим наглядным пособием даже для наиболее отсталых американских обывателей.

Во всяком случае, знающий толк в этих делах английский журнал «Экономист» уже засвидетельствовал, что в США «требования обороны начинают затрывать наиболее чувствительное место — карман избирателя».

Однако в Америке есть «избиратели», карман которых настолько чувствителен, что помогает понять «принципы» Трумана даже раньше, чем их провозглашают в конгрессе. Газета «Нью-Йорк таймс» 20 июля засвидетельствовала их расторопность: «Множество представителей крупных промышленных и торговых компаний и торговых групп собралось в Вашингтон, чтобы выслушать послание Трумана и установить контакт с теми правительственными организациями, которые могут содействовать их интересам».

Надо ли говорить, что все эти представители «плоти и крови», как пишет та же газета, не только поняли, но и одобрили предложение президента.

Откровенная «Джорнал оф Коммерс» в тот же день дала и наиболее четкое определение сути его «важнейшего морального принципа». Предложенная Труманом «экономика ограниченной мобилизации», — разъяснила этот орган толстокуса, — «не оставляет места для обычной послевоенной депрессии, которой деловые круги опасаются с момента окончания войны».

Исее не скажешь! Важнейший моральный принцип Уолл-стрит — бизнес превыше всего. И он требует крови.

ЛИ СЫН МАН ПАКИСТАНСКОГО ОБРАЗЦА

Направляясь несколько месяцев назад в Вашингтон, пакистанский премьер-министр Лиакат Али-хан предупредительно и откровенно заметил: «Я не собираюсь говорить в США только о погоде». Эта реплика прозвучала, как наивная неужиткость. Намерения, которыми продиктовано посещение Лиакат Али-ханом Соединенных

Штатов, были и тогда ясны без всяких комментариев. И если что-либо в его «визите» оказалось до известной степени неожиданным, то это, пожалуй, лишь та сверхслужливость, с какой пакистанский премьер старался быть во всех отношениях приятным американским попутчикам войны.

Прибыв в Вашингтон на личном самолете Трумана, он сошел на землю с тем самым отнюдь не загадочным выражением лица, о котором поэт сказал:

И на лбу роковые слова: «Продается с публичного торга!»

По пена, назначенная Лиакат Али-ханом за свою «незванность», оказалась совсем невысокой даже с точки зрения тарифов ваппингтонской политической палаты.

Мистер Труман, встретив пакистанского премьера, пробормotal нечто не очень внятное насчет «исторического значения этого визита» и выразил по сему поводу свое «удовольствие». Победив далее в обществе Рокфеллера и других крупнейших финансовых тузов, Лиакат Али-хан с места в карьер принял участие в секретном совещании с министром обороны Джоном и генералом Брадли. На этом совещании Лиакат Али-хан, надо думать, как раз и продемонстрировал свою полную готовность говорить совсем не о погоде. Вслед за этим пражские круги США официально заявили о своей склонности снабжать Пакистан оружием, а Лиакат Али-хан в многочисленных и скорее болящих, чем красноречивых, выступлениях объявлял о согласии служить верой и правдой выданным американским монополиям.

На все лады и без зарения совести он рекламировал «антикоммунистическую природу Пакистана» и так умеренно восторгался демократией доллара, что поведомо приводил своим поведением на память известное изречение: заставь много премьер-министра боту-доллару поклониться, так он лоб разобьет!

Завершив турне по Соединенным Штатам и заверив американских хозяев в своем намерении и впредь усердно содействовать их планам захвата Пакистана и превращения его в политический, стратегический и экономический плацдарм Уолл-стрит в Алии, Лиакат Али-хан вернулся в Карачи. Желая отметить его лакейское усердие, председатель мусульманской лиги Пакистана преподнес ему... серебряный шлем, не учитывая того, что столь боевой головной убор никак не к лицу лакеям по призванию!

Наливая шлем на голову, Лиакат Али-хан на-длин объявил по радио, что он смотрит на США, как «на образец для построения будущего Пакистана». Исходя из этой точки зрения, господин премьер поспешил также признать, что всячески поддерживает агрессию США в Корею.

Известно, что в Пакистане сейчас правят полнейший террор и чудовищный произвол помещиков, а широкие массы трудящихся живут в нищете и бесправии. Однако, поскольку господин премьер решил во что бы то ни стало взять «равнение на США», условия жизни народных масс, несомненно, еще более ухудшатся. Пакистан из английской колонии станет англо-американской колонией. Это и будет пакистано-американский образ жизни в действии!

Что касается самого Лиаката Али-хана, то он превращается в пакистанскую разновидность Чан Кай-ши или Ли Сын Мана.

Все это, может быть, и отвечает стремлениям правящей верхушки Пакистана. Но с этим никогда не согласится народ этой страны. «Если Америка даст нам миллионы рупий, — пишет ладорская газета «Нараян вакт», — при условии, что Пакистан совместно с США должен восовать против Советского Союза или помогать попутчикам новой мировой войны, то мы никогда не примем такую «помощь!» Мы не хотим сделать нашу молодую страну мισηной для пуха... Мы не хотим, чтобы наш премьер-министр Лиакат Али-хан поседлал помыру Чан Кай-ши, Бао Лян и Абдулла. Вот почему мы против американской помощи Пакистану».

Пусть Лиакат Али-хан прислушается к голосу собственного народа, если только серебряный шлем «победителя» не закрывает ему наглухо уши.

ЛИТЕРАТОР

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ДАНИ ХЕДФОТ — ГЕНЕРАЛУ МАКАРТУРУ: — Мы, безусловно, не ошибаемся, считая, что больше всего вам нужны сейчас таблетки от головной боли.

Георгий ГУЛИА

В джунглях бесправия

Как известно, английский военный министр Стрэнч, сопровождаемый министром колоний Гриффитсом и вооруженный последними образцами автоматического оружия, не так давно усердно охотился на патриотов Малайи, восставших против британского владычества. В это же, примерно, время в Лондоне вышел из недр того же министерства колоний в высшей степени индийский документ. Из него явствует, что население английских колоний находится в добром здравии, поскольку, по мнению министра Гриффитса, самочувствие его непрерывно улучшается, а средняя продолжительность жизни все возрастает. Видимо, автомат, безотказно работавший в руках мастера Стрэнча, также является, с точки зрения Гриффитса, средством распространения долголетия в среде туземцев.

К моменту начала интервенции США в Корею мистер Стрэнч со своим автоматом уже пребывал в Англии; в связи с этим правительство Энттон как раз и решило «обеспечить долголетия» кореиц патриотов послать в их воды военные корабли и помочь американцам обстреливать из орудий мирные города и деревни, освобожденные Народной армией.

Но даже провоза кровавую интервенцию в Корею и подвергая мирных жителей зверским бомбардировкам, англо-американские дипломаты и парламентарии — в перерыве между двумя залами — бесстыдно борются что-то о «благах народа!» Испанские конкистадоры или британские завоеватели в свое время поступали очень откровенно: они грабили и убивали обитателей «неведомых» земель, набивали карманы золотом и, вернувшись на родину, открыто хвастали своим «попыханием». Это были, если можно так выразиться, откровенные разбойники. Разбой был их профессией, и они ее не стеснялись.

Далеко не так ведут себя нынешние господа из Нью-Йорка, Лондона или Парижа, те самые, что рекомендуют себя представителями цивилизации и шитоно пытаются обелить свои злодеяния. Послушать их, — так они дивно и попоно пекуются о жителях своих владений. Им, видите ли, не дают покоя страдания черного населения Африки, желтого населения Азии.

Но половина всех этих речей, разумеется, совершенно лишая. Современные поработители не хотят и бояться до конца обнажить перед всем миром свое лицо паразитских разбойников. Вот почему они лгут без стеснения, изворачиваются змеи и безостовно сулят поработенным народам возможность в недалеком будущем определять свою судьбу у избирательных урн.

Боясь гнева этих народов и мирового общественного мнения, они не могут вести себя иначе. Все эти авесоны, бевини, шуманы и прочие перешагивают свои речи слайными словечками, прилавными, насколько возможно, скрывают то, что кроветочит под железной латой имперализма.

Достаточно бросить взгляд на карту, чтобы представить себе, какие обширные районы земного шара еще удерживают цепкие лапы современных колонизаторов. За словами: колония, долуколония, доминион — кровь и слезы, мука паровод, бесчеловечная жестокость господ, бесправие рабов, обреченных на голодное существование и на нечеловеческий, каторжный труд.

Население британских колоний в Африке, например, составляет свыше шестидесяти миллионов человек. В этих колониях парит типично полнейший палачий режим. Кто управляет этими территориями, где поповлающее большинство населения составляют местные жители? Английские губернаторы или резиденты? Как же они управляют? Кто их избирает? Только не местные население!

В Южно-Африканском Союзе правом участия в общественной жизни пользуются исключительно белые люди. Туземцы вообще не идут в счет, — это просто дешелая рабочая сила.

Пегров банту в Южной Африке насчитывается до восьми миллионов человек. Они лишены всех политических прав. В 1939 году, например, только один-единственный представитель этого народа пользовался правом голоса.

Местное население английской колонии Нигерия живет в нечеловеческих условиях. На каждые 133 тысячи человек приходится всего один врач. В стране с населением в двадцать миллионов человек больные могут принять только семь тысяч больниц; зато вместимость тюрем в десятки раз больше.

Американская газета «Геральд», влохваленная всей практикой колониаторов, дошла до того, что объявила: Африку вообще необходимо сделать «попыхотной» территорией для всемирного воспроизводства в области эксплуатации. И англо-американские империалисты усердно следуют этому совету.

Ребун Вунг Гинг, секретарь сеп-американской секции Союза африканской демократической молодежи, рассказывает на страницах газеты «Авангард»: «Арабский язык, на котором говорит девяносто процентов африканского населения, считается в Аджире иностранным. Наша национальная культура подавлена, наши поэты преданы забвению. Девяносто процентов населения неграмотно...»

Французские империалисты, как и их старшие англо-американские партнеры, делают вид, что чувствуют себя полными хозяевами в колониях. По времена безаказанного хозяйничанья колониальных держав мивояли. Колониальные империи трепещат по всем странам. Поливаются миллионы людей, чтобы сказать во весь голос: мы не желаем больше жить под властью империализма!

В этом стремлении их вдохновляют успехи китайского и корейского народов, уже завоевавших свободу и ныне победоносно заминаящих ее от попушней разъяренных империалистов.

ТУДА И ОБРАТНО

ПЕРВАЯ ФОТОГРАФИЯ. Железнодорожная станция Тэчжон в Южной Кореи. Прибыл очередной эшелон с американскими интервентами. Вот они, выйдя из вагонов, шагают, нагруженные амуницией и вооружением. Путь — на фронт, в окопы «линии Макадурга»...

ВТОРАЯ ФОТОГРАФИЯ. Дорога в Южной Кореи. Вдоль нее — вереница носков. На них — раненые американские войска, ожидающие отправки в госпиталь. Они уже закончили войну. За агрессию Трумана они расплатились своей кровью. Снимки из американской газеты «Нью-Йорк таймс».

Ирина ВОЛК

Содаймуун — город пыток

Броуво-красные кирпичные стены судейской тюрьмы Содаймуун багровеют на склонах горы Инвансан.

За тяжелыми чугунными воротами, в которых просекало до десятка тайных глазков, лежат пельный город. Высятся на некотором расстоянии друг от друга мрачные здания с крохотными, почти не пропускающими свет оконцами. Олно, два, десять, двадцать, тридцать тайных мрачных зданий, далее снова кирпичный забор и снова ворота. Это уже «святыя святых» Содаймуун, вторая тюрьма в тюрьме; здесь стоят пятнадцать огромных корпусов; здесь построены в 1946 году Ли Син Маном по проекту американского архитектора.

В этой внутренней тюрьме мы сейчас и находимся. Бесконечные темные коридоры, по обе стороны — двойные чугунные двери. Камера номер пять. В длину — четыре шага, в ширину — полтора. В нее было затнано двенадцать человек. Рядом такая же камера, но в ней находилось уже четырнадцать человек.

Небольшой коридорчик, отведенный от общего еще одной чулунной веревы. Она словно нехотя раскрывается, пропуская нас во второй узкий коридор. Здесь шапему взору представляется странное зрелище: крохотная комната без окон — шаг в длину, полшага в ширину. Спертый, как в подземелье, воздух, полный мрака. О существовании таких камер знали даже не все тюремные надзиратели. Ключ от наружного коридора хранился у самого начальника тюрьмы.

В этих металлических гробах, где нельзя даже встать во весь рост, а можно лишь скорчившись прятаться к дышащим холодным стенам, томилась лучшие сыны корейского народа. Здесь лысинам войска банди-

ты медленно убивали лидеров Трудовой партии Южной Кореи Ким Сан Ема и Ли Лю Ха. Сюда, на этот цементный лапидарный пол, они бросали их истерзаные после зверских допросов и пыток тела... Луч электрического фонарика бегае по стенам. Голос и неодолимый твердый металл. На нем неелего напаралать ногтем последнее пропальное слово. И только в углу, возле самой двери мы находим еле заметную надпись: «Мансе Ким Ир Сен» — «Многих лет жизни Ким Ир Сену...»

Где сейчас эти самоотверженные люди, терпевшие страшные муки за свою любовь к родине? Может быть, они были среди семисот заключенных, которых в ночь на 28 июня вывели на открытых машинах в местечко Собинго и там, в 30 километрах от Сеула, сверски расстреляли, бросив трупы в быстрые воды верховья реки Ханган? Или, может быть, их увезли с собой палачи, чтобы расстрелять по дороге? Следы потеряны...

Молча выходя из этих страшных однопочек, построить которые мог только убийца по призванию и палач по профессии.

В коридорах вдоль стен прыбиты узкие полки. На них страшные соломенные изделия, похожие на усеченный копус. Это копылки с узкими щелями для глаз; каждый заключенный обязан был надевать такой копылок, выходя из камеры на допрос. Палачи не хотели, чтобы их жертвы были узнаны даже случайно. Они тщательно скрывали имена заключенных, подвешивая им на грудь деревянные бирки с номером.

А пятнадцать корпусов одной лишь внутренней тюрьмы, не считая других тюремных зданий, были заполнены «политическими преступниками», бевянно аресто-

ванными, брошенными сюда без суда и следствия, лишь по подозрению или доносу.

Крутые ступени ведут в подземелье. Проложенная комната с круглыми нишами и рядом две камеры. На полу окровавленная грязная солома. Это камеры пыток. В одной из них мы видим пельный набор орудий: четыреххвостые веревочные плети, покрытые заперхастой веревочной кровью, железные пластинки (их называли лубела и затем прикладывали к обнаженному телу), различные пышки, которыми вырвали ногти вместе с мясом. Характерно японское сменение средневековых члупских пыток с современными американскими, применяемыми в модернизированных тюрьмах США. Вот маленький голубой чайник, совсем безобидный на вид. Но на приспутник — старый полдюжины Чен Те Ре, приговоренный лысинам войскам к 15 годам заключения за «антиамериканскую деятельность» и освобожденный из тюрьмы Народной армией, говорит, грустно улыбаясь:

— В течение целых суток из этого чайника мне медленно, капля по капле, лили воду в нос. Невозможно передать ощущение от этой нечеловеческой японской пытки. Все время от меня требовали назвать фамилии членов польного комитета, друзей. Когда я терял сознание, меня бросали в эту камеру, ждала, пока из носа и из ушей хлывет вода, после чего приводили в сознание... побоями и сажали на этот стул для новых пыток уже в чисто американском стиле: тело обматывали электрическими проводами, через которые пропускали ток.

Чен Те Ре умоляет и, сильно прихрамывая (результат пыток), направляется в темный угол камеры. Оттуда он приносит узенькую деревянную дощечку. Эта бирка висела еще совсем недавно на шее памерзшего замученного человека.

Одни из сопровождающих нас товарищей раскрывает толстую тюремную книгу.

— Со Су Ен, — называет он того, чья окровавленная одежда лежит перед нами. Больше мы ничего не знаем об этом человеке, как не знаем и о тысячах замученных здесь, в подземелье.

Чен Те Ре вспоминает: «Моя камера находилась далеко от этого корпуса; и все же по ночам нельзя было забиться от страшных криков, доносившихся отсюда».

Во дворе внутренней тюрьмы стоит небольшое круглое здание, чем-то напоминающее армяноский павильон. Внутри мы видим подобие помостков, на которых стоял стол и два стула. А напротив — глубокая ниша, запертая шторами. По вот раздвинуть шторы, и назначение страшного «павильона» становится понятным — это механизированная виселица, усовершенствованная по последнему слову американской техники. Жертва становится на точную обозначенный квадрат пола, пелья спускается с потолка, обвивая шею, затем палач нажимает электрический рычаг, под быстро проваливается и жертва повисает в петле.

В этой нише тоже лежит одежда людей, повешенных накануне вступления Народной армии в Сеул.

Еще одно здание, еще одна комната — большая, просторная. В одном углу — груда человеческой обуви: тяжелые мужские сапоги, легкие женские сандалии, резиновые туфли подростка... Часть обуви палачи уже успели тщательно рассортировать. (Как тут не вспомнить Освенцим или Майданек!). В другом углу — груда обыкновенных ремней. Сколько нужно было убить и замучить людей, чтобы собрать такое количество страшных трофеев!

В содаймуунской тюрьме постоянно содержалось около двенадцати тысяч человек. В подавляющем большинстве это были так называемые политические заключенные, те, кто боролся за свободу родины и ненавидел ее врагов, кто выступал с обличительными речами против Ли Син Мана и его закорякчих хозяев.